

Пенелопа Лайвли

ПРИЗРАК
ТОМАСА
КЕМПЕ

Перевод с английского
Зинаиды Александровой

Художник
Диана Седова

Волчок
Москва
2022

Пролог

— **Ч**то это?
Оба рабочих стояли на крыше дома, где из чердака надо было сделать спальню. Пол чердака уже побелел от штукатурки, которую они обивали со стен. На стропилах висела паутина. Один из рабочих, вырезая сгнивший кусок дерева из наличника, уронил маленькую бутылку, когда-то за него засунутую. Бутылка разбилась; зеленоватое стекло с каким-то осадком на дне.

Второй рабочий потрогал ее ногой.

— Очень старинная штука.

— Да ведь и дом старый. Гляди, стена-то какая толстая. И каминная труба совсем прямая.

Тот, кто уронил бутылку, отодвинул осколки в сторону, туда, где они сгребли в кучу куски штукатурки и свернувшиеся, точно стружка, полоски старых обоев с узором

из зеленых листочков. Насвистывая, он принялся вырезать для наличника новую дощечку.

— Теперь под наличником осталась дыра. Там, где был гнилой кусок.

— Ничего, я заштукатурю.

— А хорош отсюда вид! Прямо на церковь.

— И на кутузку. Чтобы помнить: держись, мол, от греха подальше.

Оба засмеялись.

— Давненько сюда никто не заглядывал.

— Да. Тут долго жили старички, муж с женой. Им чердак был без надобности. Им места и так хватало. Когда я поднялся сюда с миссис Харрисон — посмотреть, какая будет работа, — пришлось выломать дверь. Все было заколочено. А пыли столько, точно лет сто сюда не входили.

— Теперь будет славная комнатка.

— Хозяйка сказала: для мальчика. Чтобы, значит, имел свой угол.

— Давай кончать. Мне сегодня еще на один участок надо.

Они стали собирать инструменты, а мусор заметать в угол. В луче вечернего солнца, падавшем из окошка, взвилась пыль. Клубы пыли закружились и над полом, обволакивая им ноги и рабочую одежду.

— Ишь какой вдруг сквозняк!

— А с окном еще придется повозиться. Подогнать раму.

Они взяли свои инструменты и протопали вниз по лестнице. Дверь за ними захлопнулась, и от этого со стен опять посыпалась штукатурка. Их шаги затихли. А в комнате

вихрились мелкие воздушные потоки; они рылись в куче содранных обоев, шуршали ими и даже слегка сотрясали оконную раму. Потом все улеглось. В комнате стало тихо и пусто.

Джеймс Харрисон и его мать свернули с главной улицы Лэдшема в свою, застроенную однотипными домиками. Улица упиралась в деревянные ворота, а дальше превращалась в пешеходную тропинку, которая терялась среди полей, расчерченных темными линиями живых изгородей. Их дом был самым крайним в Лэдшеме. Он носил название Коттедж «Ист-Энд», и они жили в нем уже две недели.

Джеймс шел на несколько шагов позади своей матери и нес корзину с покупками; это ему не нравилось, потому что корзина била его по ногам и колола обломанными прутьями. К тому же его смущало, что из корзины торчали различные предметы вроде дамских колготок и кочанов капусты. За Джеймсом шел пес Тим. Джеймс оглядывался на него, стараясь вообразить вместо него

большую лохматую и солидную собаку из тех, что носят в зубах сложенные газеты и хозяйственные корзинки. Реальный Тим — приземистая, коротконогая дворняжка — скалился с независимым и отнюдь не услужливым видом.

Они проходили под низко нависшими карнизами, где лепились ласточкины гнезда; мимо дверей, выходявших прямо на улицу. В каждом маленьком окошке виднелись крупные растения в горшках; они смутно зеленели за стеклами, словно под водой.

В одном из этих мрачноватых окон на Тима сверкнула глазами пестрая кошка, и он стал царапать стену под окном, в бессильной ярости осыпая ее проклятиями.

— Уведи его, — сказала миссис Харрисон. — Чтобы не срамил нас. Раз уж он теперь наш, хочешь не хочешь.

Тим появился в Коттедже «Ист-Энд» вскоре после семьи Харрисонов. Он сидел у кухонной двери, бездомный и несчастный. Его накормили, и он быстро утвердил в доме свои права, стараясь понравиться прежде всего миссис Харрисон, в которой сразу распознал источник всего съестного. Это явно был пес со сложным и загадочным прошлым. Жители поселка иногда смотрели на него с любопытством, словно не могли припомнить, откуда он тут взялся. Почтальон сказал, будто этот пес одно время жил у мясника, и мистер Харрисон сумрачно заметил, что это его ничуть не удивляет.

Джеймс продел под ошейник Тима пояс от своих джинсов и оттащил его от окна. Тим поджал короткий хвост и тут же принял, как он это умел, вид истязуемой собаки, чтобы разжалобить старушку, смотревшую на них с противоположной стороны улицы.

— Меня-то ты не проведешь, — сказал Джеймс и догнал свою мать. — Что-нибудь будет к чаю?

— Еда, — сказала миссис Харрисон. — Как обычно. Давай сюда корзинку. Спасибо, что помог.

— Не за что, — ответил Джеймс с особенной учтивостью. Этим он решил страховаться от различных преступлений, вольных или невольных, какие ему наверняка предстояло совершить в ближайшем будущем. Мать взглянула на него с удивлением.

Они уже подходили к дому. Вон и окно чердачной комнаты, выходившее на церковь. Коттедж был небольшой, квадратный и уютный; поселиться в нем было все равно что надеть старое пальто. Его шиферная крыша немного просела, а с одного боку выпирала — там, где когда-то была печь и выпекали хлебы; в доме были толстые потолочные балки, скрипучая лестница и каменный пол с живописными трещинами, откуда по ночам выползали большие и важные черные тараканы. Джеймс изучал этих тараканов; свой труд он предполагал озаглавить «Жизненный цикл британского таракана». Автор — д-р Джеймс Харрисон, член Королевского общества, член Парламента, доктор философии, кавалер ордена Британской империи.

Эллен больше нравились новые дома на другом конце Лэдшема, где она уже обзавелась подругами.

— Там ваннные комнаты облицованы кафелем. И современные кухни. А на лестницах — ковры. Если бы ты видела, мам!

— Я уверена, милая, что там прекрасно. Но нам с отцом понравился именно этот дом.

Надо признать, что кое в чем мама бывала очень разумна. Так что приходится удивляться, с горечью думал

Джеймс, почему она родила Элен. Мало ли кого можно было родить. А она взяла и родила Элен. У других сестры тоже, конечно, ужасные, но Элен — дальше ехать некуда.

Ванные комнаты с кафелем, видите ли...

Где ей понять, что с яблони, которая нависала над домом, можно влезть на каминную трубу? И где ей оценить все возможности мусорной кучи в конце фруктового сада, куда рабочие сбросили весь строительный мусор и которая еще хорошенько не обследована? И только Джеймс с Тимом знали про заросший крапивой колодец у забора, где, весьма возможно, водятся крысы.

Вместо газона и цветочных клумб, которые прельщали Элен, у них было семнадцать яблонь. Великолепных яблонь с узловатыми, перекрученными ветвями, похожих на фигуры, которые танцевали причудливый танец, да так и застыли в высокой траве. Сейчас, осенью, яблони гнулись под тяжестью спелых яблок. Миссис Харрисон, женщина практичная, выставила грифельную доску. Подходя к калитке, они уже видели ее над живой изгородью. На ней значилось мелом:

Сорт «БРАМЛЕЙ»	5 п. фунт
Сорт «УОРСТЕР»	6 п. фунт
Падалица	3 п. фунт

А ниже было написано:

КОДОВОСТВО
АСТРОЛОГИЯ
ГЕОМАНТИЯ
АЛХИМИЯ

ОБРЪТЕНІЕ УТЕРЯННЫХЪ ПРЕДМЕТОВЪ ВРАЧЕВАНІЕ

Миссис Харрисон поставила наземь корзинку и всё внимательно прочла.

— Забавно, — сказала она. — Очень остроумно. Правда, орфография несколько устарела. Вероятно, мне только этого не хватало, когда я выставила доску. А теперь прошу, еще до чая, всё стереть.

Она пошла по дорожке к дому. Оттуда слышалось что-то нудное. Это Элен, конечно, с кем-то из подруг.

Джеймс стал разглядывать доску. Уж конечно написала не Элен. Папа? Но когда он утром уходил, приписки на доске еще не было. Так кто же? «Кому-то хочется мне напакостить, — подумал Джеймс, ощетинясь. — Может, мальчишка с нашей улицы, Саймон Как-его-там? Или кто-то еще из класса? Но откуда им знать такие слова? Тут не обойтись без словаря. Придется разобраться, — решил он. — Позже».

Вслед за Тимом он обошел дом сзади, вспомнив, что они еще не закончили работу над ямой между корнями одной из яблонь. Надо было попытаться прорыть ход прямо под одним из деревьев и выйти с другой стороны. Тим, при всех своих недостатках, на подобные дела всегда шел охотно и даже, насколько это возможно для собаки, сам вносил предложения.

Они еще немного потрудились над ямой, но наткнулись на очень толстый корень и решили идти домой, к чаю. За столом уже сидела Элен с подругой, бледной девчонкой с косичками, наверняка из тех, у кого современная кухня

и ковры на лестнице. Они встретили его неодобрительными взглядами.

— Мой брат, — сказала Элен. Подруга сочувственно кивнула.

К чаю были пшеничные лепешки и швейцарский кекс. Джеймс сел за стол веселый и голодный.

— Матушка, — сказала громко Элен, — по-моему, Джеймс мог бы вымыть руки перед едой. Особенно когда у меня гостья...

Называть маму «матушкой» было новой выдумкой Элен. Она думала, что это звучит изысканно. Джеймс бросил на нее свирепый взгляд.

— Принято, — сказала миссис Харрисон. — Пойди вымой руки, Джеймс.

Он пошел в ванную и вымыл тыльные стороны рук, оставив ладони в неприкосновенности. Пусть Элен не думает, что она одержала полную победу. В зеркало ему усмехнулась его веснушчатая физиономия, увенчанная копной светло-желтых волос. Он попробовал некоторые свои выражения: зловещую ухмылку злодея из вестерна; ликующую улыбку капитана команды, выигравшей кубок финала (в вытянутой руке — кубок, вернее, кружка для полоскания зубов); грозный оскал чемпиона по боксу (последний получился особенно хорошо: с полотенцем на плече и влажным зачесом). В его комнате слышались какие-то постукивания. Конечно, Тим. Ему запрещалось входить в спальни, потому что он вскакивал на кровати и рыл там себе неопрятные гнезда. Но бороться с этим было невозможно. Он, видимо, научился открывать двери.

Снизу послышался голос матери:

— Джеймс! Тебе было предложено вымыть руки, а не принимать ванну. Мы тебя ждем.

Он поспешно снял с плеча полотенце, уместил его наверху полуоткрытой двери, чтобы оно свалилось на Эллен, и сбежал вниз, повторяя:

— Иду, матушка. Извини, матушка.

— Достаточно! — сказала миссис Харрисон. — Я уже стала чувствовать себя дамой из романа прошлого столетия. Еще немного такого поведения, и я надену на тебя рубашку с оборками и атласные панталоны до колен.

Эллен и подруга захихикали. Об ногу Джеймса потерлось нечто похожее на жесткую щетку. Похоже, Тим проявлял интерес к швейцарскому кексу. Джеймс взглянул на него с изумлением. Неужели он и летать научился?

— Кому еще кекса? — спросила миссис Харрисон. — Джулия? Эллен? Нет? Джеймс, *ломтик* кекса, а не весь, если не возражаешь. А что вы, девочки, собираетесь делать после чая?

Они переглянулись и опять захихикали.

— Мы скажем после, — сказала Эллен таинственным шепотом.

Джеймс придал своему лицу, как он надеялся, выражение глубокого, уничтожающего презрения. Сколько же глупостей водится за девчонками. Вот и это тоже: секретничают, точно и впрямь задумано что-то очень важное, а ума у них хватает разве только на какую-нибудь дурацкую затею на кухне.

Джеймс глубоко вздохнул и стал смотреть в окно с озабоченным видом человека, у которого действительно есть серьезные дела.

— А ты, Джеймс? Впрочем, тебе есть чем заняться. Грифельной доской.

— Мы знали, что это ты, — сказала Элен. — И очень глупо.

Джеймс закрыл глаза, давая понять, что устал и смирился.

— Глупо. Наверное, потому и в школу опоздал.

Джеймс открыл один глаз и свирепо посмотрел на нее.

— Чтобы больше этого не было, Джеймс, — сказала миссис Харрисон.

— Да и написано с ошибками, — продолжала Элен.

— Ладно, — сказал Джеймс, выведенный из терпения. — Спорю, что ты не знаешь, что такое астрология.

— А вот и знаю.

— Ну что?

— А вот и не скажу, — сказала Элен.

Джеймс только фыркнул. Он взял из раковины тряпку, смочил ее под краном и вышел к калитке. Стирая с доски нежелательную надпись, он подумал, что сделавший ее неизвестный очень здорово нарисовал все эти «f» и «i». Вышло похоже на надписи на могильных плитах и на мемориальных досках в церкви. Но надо все же выяснить, кто это. Прийти и без спросу такое написать, какая наглость! Начну с этого Саймона. Спорю, что он. Джеймс смутно помнил его: коротышка в круглых очках с очень толстыми стеклами.

Джеймс опять смочил тряпку, на этот раз в луже, и положил ее на седло велосипеда Элен. Затем направился к дому Саймона, на другом конце улицы, ближе к Главной.

Найти Саймона оказалось нетрудно. Он лежал растянувшись на каменной стенке. Его очкастое лицо смотрело

сверху на Джеймса, как смотрел бы добродушный советник.

— Привет, — сказал он дружелюбно и совсем непохоже на человека, который только что сыграл такую шутку. Разве лишь он очень искусный актер.

Джеймс растерялся. Некоторое время он с сомнением разглядывал Саймона, потом сказал, менее уверенно, чем собирался:

— Очень смешно. Ха-ха!

— Что? — спросил Саймон.

— Очень смешно. То, что ты написал на доске моей мамы. Очень остроумно.

— Погоди-ка, — сказал Саймон. Он снял очки, которые были облеплены грязью, и протер их о рукав рубашки. Чтобы лучше понять, ему надо было яснее видеть. Снова надев очки, он спросил: — На какой доске?

— Сам знаешь.

— Нет, не знаю.

— На той, что выставлена у нашей калитки.

— Да в чем дело? — спросил Саймон, слезая с ограды.

— Сейчас я уже стер. Карандаш у тебя есть?

Саймон порылся в кармане и достал этикетку от шоколада и слегка обгрызенный фломастер. Джеймс приложил этикетку к кирпичу и постарался вспомнить, что было написано на доске.

— Вот что!

Саймон внимательно взгляделся.

— Это не я, — сказал он. — Честно. Во-первых, я даже не знаю, что это значит. Разве только «колдовство». «Врачевание» — так в старину называли лечение. Ну а «обретение» — это, кажется: что-то найти. Но все равно, —

продолжал он с обезоруживающей прямоотой, — я бы не знал, как они пишутся.

— А они написаны неправильно, — сказал Джеймс.

— В самом деле?

Джеймс разглядывал Саймона. Одним людям веришь, что бы они ни сказали, другим нет. Он чувствовал, что Саймон принадлежит к первым.

— Честно? — спросил Джеймс. — Можешь поклясться?

— Клянусь.

— Кто же, как ты думаешь? Кто-нибудь из ребят?

— Не знаю, — сказал нерешительно Саймон. — Может, и они. — Он явно терял интерес к этой теме. — А на ваши яблони я лазил. Когда вы еще не приехали. Никто не видел. Случалось и яблоко съесть. Самые лучшие на крайнем дереве.

— Знаю, — сказал Джеймс. — А хочешь покажу, какую я вырыл яму? Пошли!

Они вместе пошли по улице. У калитки Джеймс подозрительно взглянул на доску, но там все было в порядке. За калиткой сидел Тим; он глядел на окно комнаты Джеймса и злобно ворчал.

— Что ты там видишь, Тим? — спросил Джеймс.

— Он говорит, что там кто-то есть, кто ему не нравится.

— Там моя комната. Наверное, дуры девчонки забрались. Элен всюду сует свой нос. Вот я сейчас!.. Нет, не сейчас, а то мы не успеем с ямой.

Над ямой они приятно провели около часа и придумали, как обойти корень. Потом лазили на деревья и открывали новый путь для восхождения по северному склону самой большой из яблонь. Наконец они улеглись в высокой

траве и съели столько яблок, сколько сумели, а огрызки бросали Тиму, который съедал их не потому, что находил вкусными, а потому, что эта собака научилась никогда не упускать случая, чтобы потом не жалеть.

— Мне пора, — сказал наконец Саймон.

— Пока. Бывай.

— Бывай.

На ужин была цветная капуста с сыром, которую Джеймс не очень-то любил. Он попытался украдкой поделиться ею с Тимом, сидевшим под столом. Но Тим, должно быть, объелся яблочными огрызками. Он отверг угощение и стал беспокойно кружить по кухне, чем-то озабоченный. Потом, ворча, выбежал в сад.

— Закрой кухонную дверь, Джеймс, — сказала миссис Харрисон. — Очень сквозит. В этом доме, к сожалению, всюду сквозняки. Мне все время дует в ноги.

— Вот у Джулии всегда тепло, — сказала Элен. — У них отопление.

— А мне пусть лучше тараканы, чем отопление, — сказал Джеймс. «Или даже мыши», — добавил он, но про себя. О них лучше молчать, а то еще вздумают поставить мышеловку.

— На тебя похоже, — сказала Элен. — Знаешь, мам, он себе нашел такого же. Даже еще грязнее, если это возможно. Они вместе лазили на яблоню.

— Вот и отлично, — сказала миссис Харрисон. — Теперь оба вы обзавелись друзьями.

Джеймс вспомнил, что еще не рассчитался с Элен, и обвинил ее в том, что она вторгалась в его комнату. Элен, громко и возмущенно отрицая это, заявила, что ее и мертвую туда не затащить. Джеймс сказал, что она

все-таки там была, он это знает *точно*. Нечестно! Оба воззвали к матери.

— Прекратите оба, — сказала миссис Харрисон. — Я вам мать, а не рефери.

Джеймс пришел в восторг, вообразив свою мать в шортах и со свистком на шее, и покатился со смеху. Элен смотрела на него с негодованием. Все споры она принимала всерьез и любила доводить их до конца.

— А еще, мам, он положил грязную тряпку на мой велосипед, и я села, а Джулия видела. Мне же стыдно перед подругами!

— У них, вероятно, тоже есть братья, — сказала миссис Харрисон. — А ты, Джеймс, перестань изводить сестру. Слышишь?

Но Джеймс уже ушел к себе наверх.

Сидя на краю кровати и раздеваясь, он с удовольствием оглядывал свою комнату. Отличная комната! Стены и потолок были скошены в разных направлениях, так что казалось геометрически невозможным, чтобы из них вообще получилась комната. Пол тоже имел наклон; если положить на него шарик, он медленно скатывался к другой стене. Чтобы выглянуть из окна, надо было чуть нагнуться; зато оттуда открывался отличный вид на шиферные и соломенные крыши Лэдшема, на прямоугольную башню церкви, над которой кружили ласточки, и на небольшое сурового вида здание на старой рыночной площади, где когда-то была тюрьма, а теперь находилась публичная библиотека. В комнате помещались стол, комод, пара полок, где Джеймс держал книги, коллекцию окаменелостей, раковины и другие предметы, в том числе глиняные фигурки, которые он на прошлой неделе сделал в школе.

Две из них, как он с раздражением заметил, валялись теперь на полу. Значит, она все-таки побывала тут. Агунья!

Он поставил фигурки на место и лег в постель. Потом достал из-под подушки Личный Дневник и стал записывать события прошедшего дня. В разделе «Финансовое положение» он написал: «То же, что вчера. Должен Саймону 1 пенни (проиграл спор — кто дальше выплюнет яблочные зернышки). Он мне должен два мороженных на палочке. Карманных денег не получу, пока не будет заплачено за стекло в кладовой». Перевернув страницу, он написал: «Погода хорошая. Умеренный западный ветер (если не застрял флюгер на церковной башне)». Следующая страница была озаглавлена «Питание», и он написал: «На обед творожники. Потрясающие. Съел три порции. На ужин цветная капуста с сыром. Единственное, чего Тим не ест». Он опять перевернул страницу. Следующая была отведена «Планам на будущее» и всегда бывала густо исписана. На этот раз он написал: «Прорыть туннель под всем фруктовым садом. Если это удастся, послать план всем, кто собирается рыть туннель под Ла-Маншем. Устроить капкан, чтобы Элен не могла ко мне войти. Найти в словаре „алхимию“. Учить Тима носить корзинку».

Он сунул Дневник обратно под подушку, погасил свет и сразу заснул.

Ночью он проснулся оттого, что озяб. Одеяло оказалось на полу. Из-под двери или откуда-то еще сильно дуло. Он сердито поднял одеяло и снова заснул.